

«Ночь была душной», — вывела я и уставилась невидящим взглядом в окно. Не скажешь, что данная фраза особо удачна для начала детектива. Может быть, лучше так: «Ночь была летней и душной»? Или: «Была летняя душная ночь». О господи!.. Далась мне эта ночь, в самом деле... Совершенно неважно, какая была ночь. Бог с ней, с первой фразой, лучше сразу перейти к делу, то есть к трупу... «Она осторожно спустилась по извилистой тропинке и вскоре оказалась возле озера...»

— Тетя Анфиса! — Звонкий голосок вернул меня на веранду большого дома, а в распахнутом окне показалась физиономия Лельки, шестилетней дочки моей подруги, на даче которой я в настоящий момент отдыхала.

— Привет, — сказала я, с некоторым облегчением отбрасывая авторучку и отодвигая тетрадь подальше от себя.

— Привет, — улыбнулась Лелька, продемонстрировав отсутствие верхних передних зубов и большую радость от созерцания моей физиономии. — Пишете? — Она вздохнула, а потом скорчила забавную рожицу.

— Пытаюсь, — в ответ вздохнула я и поинтересовалась: — А где все остальные?

— Спят. Тетя Женя в гамаке, а мама в чулане, там не жарко. А мне скучно, — подумав, призналась Лелька и посмотрела на меня выжидающе.

— Ясно. — Я еще раз вздохнула, потом почесала затылок и дипломатично продолжила: — Купаться еще рано, вода не успела согреться...

— А в бадминтон? — с надеждой спросила Лелька (вообще-то, ее зовут Ольга, но мне так привычной). Играть с шестилетним ребенком в бадминтон — то еще занятие, но все же лучше, чем в середине лета, когда стоит жара и люди дремлют в гамаках и чуланах, сидеть на веранде и вымучивать из себя детектив.

— Пошли в бадминтон, — кивнула я и поспешно поднялась из-за стола.

Лелька взвизгнула от радости, а я, выглянув в окно и не заметив поблизости ни одной души, села на подоконник, а потом лихо прыгнула на тропинку, посыпанную гравием, вызвав у своей шестилетней подружки вопль восторга.

— Здорово, — сказала она, я взяла ее за руку, и мы отправились на лужайку перед домом. В тени двух огромных лип, в гамаке, прикрыв лицо книгой, дремала Женька. Заслышав наши голоса, она выглянула, хмыкнула и лениво спросила:

— Как работа?

— Никак, — отмахнулась я.

— Ты ж хотела... — Женька приподнялась, хмуро глядя на меня, но я пресекла попытку вправить мне мозги, сказав сурово:

— Заткнись!

Женька махнула рукой и вновь спрятала физиономию под обложкой. Я с некоторым удивлением прочитала: «Д. Джойс. «Улисс», подошла и, не удержавшись, взяла книгу. Она была раскрыта на одиннадцатой странице, а вчера лежала на скамейке с закладкой на пятнадцатой.

— Ты что, читаешь ее задом наперед? — поинтересовалась я.

— А великие книги как ни читай, все на пользу. В бадминтон играть?

— Ну...

— А работа, значит...

— Заткнись! — повторила я, свирепея, потому что Женька, конечно, права, а соглашаться с чужой правотой всегда неприятно.

Идея отправиться на дачу принадлежала Женьке. У нее был отпуск, который она собиралась провести в Испании, но денег на это не хватило. Женька задумала слетать в Анапу, но неожиданно встретила мужчину своей мечты и влюбилась, а когда любовь прошла, денег не осталось даже на самолет. Сидеть в душном городе весь отпуск — занятие не из приятных, поэтому Женька с радостью приняла приглашение подруги пожить на даче. У Веры тоже был отпуск, отдыхала она вместе с дочкой, я же в это время безуспешно пыталась начать работу над детективом. До десятого октября необходимо представить рукопись в издательство, а дальше первой строчки дело не шло. В понедельник мой благоверный отбыл в командировку, я проводила его с тайной надеждой, что теперь, представленная самой себе, наконец-то возьмусь за

работу, но не тут-то было: столбик термометра подскочил с семнадцати градусов аж до двадцати восьми, и я два дня пролежала на лоджии без мыслей и пользы для работы, точнее, мысли были, но никакого отношения к детективу не имели.

Вот тут у меня и объявилась Женька, настойчиво позвонила в дверь, и я пошлепала открывать, сонная, точно муха осенью.

— Чем занимаешься? — чмокнув меня в нос, проявила интерес подружка.

— Ничем, — призналась я.

— А детектив?

Я тяжело вздохнула и пожала плечами.

— Ясно. — Женька устроилась за кухонным столом, затем, немного подумав, извлекла из холодильника банку пива, опустошила ее и сказала: — Отечественные классики предпочитали летом творить на природе. В родном имении или, на худой конец, в каком-нибудь Переделкине.

— Хорошо было классикам, — заметила я.

— Да. Верка зовет на дачу. Речка, лес, природа, одним словом. Махнем? Детектив не напишешь, так хоть загоришь как следует.

— Мне работать надо, — обиделась я.

— Так и работай на здоровье. Дом большой, места всем хватит. Сиди на веранде, слушай пение соловьев и трудись. Поехали, а? Верка человек хороший, но малость занудлива, прикинь, каково мне?

— А ты работай, — съехидничала я. — Рассказы пиши или серию статей в родную газету.

— Статьи не могу, у меня ж отпуск, девчон-

ка я правильная и в отпуске отдыхаю, а рассказ уже написала. Про муравья. Хочешь прочитаю? — Про муравья — это что-то новенькое, обычно Женька писала исключительно про кошек и собак.

— Валяй, — согласилась я. Рассказ был очень короткий, и мне понравился. Я похвалила подружку, поскребла в затылке и попробовала вспомнить, кто из классиков творил летом в городе.

— Поехали? — жалобно позвала подружка, и я кивнула.

В тот же вечер мы прибыли на дачу. Я гостила здесь лишь однажды, года два назад. За это время многое изменилось: вместо дряхлого пятистенка высился добротный бревенчатый дом с огромной верандой и мансардой. Забор, резная калитка, палисадник, ухоженная лужайка и свежеразбитые клумбы свидетельствовали о том, что дача — любимое место отдыха хозяев. Правда, сам хозяин здесь бывал нечасто. Веркин муж Игорь руководил какой-то фирмой и с семейством в период отпуска жены общался в основном по телефону. Поэтому Верка нам так и обрадовалась. Дом ее находился на отшибе, близкого знакомства ни с кем из местных она не свела и скучала.

Неделя пролетела незаметно, я здорово загорела, но не написала ни строчки, хотя каждый день давала себе слово всерьез взяться за работу. В общем, обычное дело. «Время еще есть», — утешила я себя и, подмигнув Лельке, взяла ракетку.

Игра девчужке вскоре наскучила, но возвра-

щаться на веранду мне ужасно не хотелось, и я стала придумывать себе какое-нибудь сверхважное занятие. Тут на крыльце появилась Вера и громко крикнула:

— Эй, подружки, сходите в магазин за хлебом!

— А за мороженым? — обрадовалась Лелька.

— И за мороженым.

— Пойдем? — подергала она меня за руку.

— Пойдем, — кивнула я, и мы отправились в магазин.

До деревни было с полкилометра. Мы шли друг за другом, Лелька впереди размахивала авоськой, а я наблюдала за жаворонком. Справа начинались колхозные поля, а слева ровной стеной замерли молоденькие ели.

— Тетя Тоня, у которой мы молоко берем, сказала, что в посадке много грибов.

— Где? — не поняла я.

— Да вот здесь, — ткнув пальцем влево, пояснила Лелька и вдруг нахмурилась: — Машина стоит.

И в самом деле, в тенечке, съехав с песчаной дороги, стоял серебристый «Део», судя по всему пустой. За грибами рановато, но человек мог просто решить прогуляться, и в том, что машина стоит здесь, не было ничего удивительного. Лелька замерла, все еще хмурясь, и сказала:

— Я ее видела.

— Машину? — не поняла я. — Кто-нибудь из деревни...

— Нет, — перебила Лелька. — Я ее раньше видела. — Девчонка стояла, переминаясь с ноги на ногу, и жалобно смотрела на меня.

— Таких машин сейчас много, — не понимая ее интереса к залетной иномарке, заметила я.

— Я ее видела... во сне, — неизвестно чего испугавшись, пролепетала Лелька.

— Во сне? — переспросила я.

— Ага. Так папа сказал, что во сне...

Тут из-за деревьев с громким лаем выскочила собака, девчонка вскрикнула от неожиданности, я прижала ее к себе, а немецкая овчарка, обежав нас по кругу, разом потеряла к нам интерес. Через минуту появился пастух, кивнул в ответ на наше приветствие и обругал собаку.

— Испугалась? — спросила я Лельку.

— Не-а, я собак не боюсь, — гордо ответила она.

Через час мы пили чай на веранде. Лелька убежала играть с подружками, а мы все никак не могли встать и отправиться на речку. Лениво переговаривались, обмахивались полотенцами и жаловались на жару. Наконец Верка начала собирать со стола.

— Работать будешь или на речку пойдешь? — спросила она меня. Женька насторожилась, а я ответила обреченно:

— Какая работа в такую жару?

— Да уж... Топайте купаться, а я вымою посуду и вздремну немного. Целый день как пыльным мешком из-за угла прибитая, голова болит, и лень такая, что на свет божий смотреть не хочется.

Тут послышался шум проезжающей машины, и Верка все-таки взглянула на свет божий, а

вслед за ней и я. За окном мелькнул тот самый «Део», который мы заметили в посадке, и скрылся в направлении реки. В этом факте не было ничего удивительного, в той стороне мост, а за мостом большое село, и машины здесь нет-нет да и проезжали, хотя в село вела асфальтированная дорога прямо с шоссе, но Верка вдруг замерла с чашками в руках и нахмурилась, совсем как ее дочка полтора часа назад.

— Ты чего? — спросила Женька, которой всегда больше всех надо.

— Так, — неопределенно ответила Верка, провожая взглядом «Део».

— Он в посадке стоял, — влезла я, хотя меня и не спрашивали, — когда мы за хлебом ходили...

— В Степанове полно дачников, — мудро рассудила Женька, и на этом мы бы, наверное, успокоились, но «Део» вновь появился под окнами. Проехал очень медленно, и на этот раз я смогла увидеть водителя. За рулем сидел светловолосый парень лет двадцати пяти в ярко-желтой рубашке.

— Это точно он, — заявила Верка.

— Кто? — насторожилась Женька, с которой профессия журналиста давно сыграла скверную шутку: она не могла не задавать дурацкие вопросы, а Верка у нас чемпион по дурацким ответам. Вот и сейчас она порадовалась:

— Этот парень.

— Ну и чего? — не унималась одна моя подруга, а другая опять ответила:

— Ничего. Просто... беспокойно что-то...

Разговор двух дураков. На него вообще не сто-

ило бы обращать внимания, но вместо этого я нахмурилась и тоже полезла к Верке:

— А чего беспокоюсь? На какой предмет то есть?

— Я видела этого парня, — ответила она, — на прошлой неделе, в городе. В магазин пошла, а он следом... а потом во дворе крутился.

— Следил, что ли? — выпучила глаза Женька. Эта мысль даже Верке показалась глупой. Она взглянула с сомнением и отмахнулась:

— Иди ты...

— А чего ж тогда? — Женька все еще таращила глаза и явно получала удовольствие от происходящего.

— Откуда мне знать? Ну... шел сзади, я его в витрине увидела, случайно. А потом он во дворе вертелся. И вот сегодня в деревне.

— Для совпадений слишком круто, — здраво рассудила я. — Если ты, конечно, ничего не путаешь и парень тот же...

— Может, и путаю. Он тогда без машины был...

— А вдруг он влюбился? — выдвинула потрясающую идею Женька, у нее с юности наблюдалась повышенная склонность к романтическим бредням. — С первого взгляда? Увидел тебя и... — В этом месте Женька заметно скисла, так как подружка стояла как раз перед ней, и эта мысль даже Женьке не показалась особо удачной. Не то чтобы наша Верка была какой-то уродиной, ничего подобного. Верка зануда, и эта самая занудливость отчетливо проступала в ее облике хорошей жены и заботливой матери, к тому же она старше нас с Женькой и парню на

«Део» годилась разве что в тетки. — А что? — кашлянув, спросила Женька, не желая сдаваться без боя. — Бывают такие случаи, — и посмотрела на меня, словно я собралась возражать.

— Идемте купаться, — внесла я разумное предложение, и обе подруги разом кивнули. Верка тоже решила пойти с нами, несмотря на головную боль.

Через несколько минут мы уже двигались в направлении речки. Речка здесь неширокая, в некоторых местах больше напоминает ручей, зато исключительно чистая. Цивилизация мало коснулась этих мест, а речушку питали подземные ключи, этим обстоятельством объяснялся и тот факт, что вода в реке была холодной и даже при двадцативосьмиградусной жаре радовала прохладой. По песчаной тропинке мы спустились к омуту, который местные называли Круглым. Детишки с визгом и брызгами ныряли возле берега и успели поднять со дна всю муть, так как в отличие от нас проводили здесь время с утра до вечера. Женька скривилась и посмотрела на нас.

— Идемте на Большой омут, — кивнула Верка и резво потрусила по тропинке.

Большой омут вовсе не был большим, зато считался очень глубоким, детня сюда не ходила, да и взрослые наведывались нечасто, потому что от деревни его отделяло чуть больше километра. Впрочем, от Веркиного дома он был неподалеку, только спускаться надо было с другой стороны, теперь же нам предстояло сделать приличный крюк. Я по этому поводу ничуть не расстраивалась: на мне соломенная шляпа, за-

щищающая лицо от солнца, я только что съела три пирога с клубникой, и прогуляться было просто необходимо. Однако Женька не смогла удержаться от критических замечаний.

— Надо было через огород идти, — проворчала она.

— Так чего ж ты не пошла?

— Я думала, мы на Круглый омут идем.

— Так и мы думали.

Впереди показались кусты ивы, и вскоре мы уже раздевались на отлогом берегу.

— Холоднющая какая, — сунув ногу в воду, проворчала Женька и поежилась, потом постояла, точно к чему-то прислушиваясь, и с разбегу бросилась в воду, подняв столб брызг.

— Чокнутая, — покачала головой Верка и устроилась на траве. Я взглянула на нее, на Женьку, голова которой к этому моменту появилась на поверхности, и осторожно вошла в воду. Прыгать в омут очертя голову в отличие от подружки я не люблю, поэтому потратила минут пять, прежде чем окунулась, все это время жалобно поскуливая и повизгивая.

— Давай наперегонки к тому берегу, — позвала Женька. Предложение показалось толковым, и, прокричав в ответ: «Давай!», я устремилась к подружке. Задора в Женьке больше, чем умения, конечно, я ее обогнала, и она, сразу потеряв интерес к соревнованиям, приблизилась к берегу, сплошь заросшему ивой, и, делая вид, что не обращает на меня внимания, нырнула.

Я легла на спину и раскинула руки. Из состояния абсолютного блаженства меня вывел Женькин вопль. Орала она так, что я в полной